

Автор: Константин Георгиевич Паустовский

Кричать во весь голос "слава!" несравненно труднее, чем "ура!". Как ни кричи, а не добьешься могучих раскатов. Издали всегда будет казаться, что кричат не "слава", а "ава", "ава", "ава"! В общем, слово это оказалось неудобным для парадов и проявления народных восторгов. Особенно когда проявляли их пожилые громадяне в смушковых шапках и вытащенных из сундуков помятых жупанах.

Поэтому, когда наутро я услышал из своей комнаты возгласы "ава, ава", я догадался, что в Киев въезжает на белом коне сам "атаман украинского войска и гайдамацкого коша" пан Петлюра.

Накануне по городу были расклеены объявления от коменданта. В них с эпическим спокойствием и полным отсутствием юмора сообщалось, что Петлюра въедет в Киев во главе правительства -- Директории -- на белом коне, подаренном ему жмеринскими железнодорожниками.

Почему жмеринские железнодорожники подарили Петлюре именно коня, а не дрезину или хотя бы маневровый паровоз, было непонятно.

Петлюра не обманул ожиданий киевских горничных, торговок, гувернанток и лавочников. Он действительно въехал в завоеванный город на довольно смирном белом коне.

Коня покрывала голубая попона, обшитая желтой каймой. На Петлюре же был защитный жупан на вате. Единственное украшение -- кривая запорожская сабля, взятая, очевидно, из музея,-- била его по ляжкам. Щирые украинцы с благоговением взирали на эту казацкую "шаблюку", на бледного припухлого Петлюру и на гайдамаков, что гарцевали позади Петлюры на косматых конях.

Гайдамаки с длинными синевато-черными чубами -- оселедцами -- на бритых головах (чубы эти свешивались из-под папах) напоминали мне детство и украинский театр. Там такие же гайдамаки с подведенными синькой глазами залихватски откалывали гопак. "Гоп, куме, не журысь, туды-сюды повернысь!"

У каждого народа есть свои особенности, свои достойные черты. Но люди, захлебывающиеся слюной от умиления перед своим народом и лишенные чувства меры, всегда доводят эти национальные черты до смехотворных размеров, до патоки, до отвращения. Поэтому нет злейших врагов у своего народа, чем квасные патриоты.

Петлюра пытался возродить слащавую Украину. Но ничего из этого, конечно, не вышло.

Вслед за Петлюрой ехала Директория -- неврастении писатель Винниченко, а за ним -- какие-то замшелые и никому неведомые министры.

Так началась в Киеве короткая легкомысленная власть Директории. В первые дни петлюровской власти опереточные гайдамаки ходили по Крещатику со стремянками, влезали на них, снимали все русские вывески и вешали вместо них украинские.

Петлюра привез с собой так называемый галицийский язык -- довольно тяжеловесный и полный заимствований из соседних языков. И блестящий, действительно жемчужный, как зубы задорных молодлиц, острый, поющий, народный язык Украины отступил перед новым пришельцем в далекие шевченковские хаты и в тихие деревенские левады. Там он и прожил "тишком" все тяжелые годы, но сохранил свою поэтичность и не позволил сломать себе хребет.

При Петлюре все казалось нарочитым -- и гайдамаки, и язык, и вся его политика, и сивоусые громадяне-шовинисты, что выползли в огромном количестве из пыльных нор, и деньги,-- все, вплоть до анекдотических отчетов Директории перед народом.

При встрече с гайдамаками все ошалело оглядывались и спрашивали себя -- гайдамаки это или нарочно. При вымученных звуках нового языка тот же вопрос невольно приходил в голову -- украинский это язык или нарочно. А когда давали сдачу в магазине, вы с недоверием рассматривали серые бумажки, где едва-едва проступали тусклые пятна желтой и голубой краски, и соображали -- деньги это или нарочно. В такие замусоленные бумажки, воображая их деньгами, любят играть дети.

Полностью [здесь](#)